

УДК 378(091)(470.23-25)

Р. Ш. Ганелин

В библиотечном институте: некоторые воспоминания и заметки

Воспоминания преподавателя кафедры истории Библиотечного института в 1953–1955 гг. о сотрудниках, студентах, учебном процессе и атмосфере в институте.

Ключевые слова: Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств, СПбГУКИ, Библиотечный институт, характеристика администрации, история библиотечного образования

Rafail Sh. Ganelin

In the Library Institute (some recollections and notes)

Recollections of the lecturer of the department of history at the Library Institute in Leningrad in 1953–1955 about the staff and lecturers, students, as well as the education and the atmosphere at the Institute.

Keywords: Saint-Petersburg State University of Culture and Arts, SPbGUKI, Library Institute, the characteristic of administration, history of the library education

В моих воспоминаниях есть небольшой раздел, посвященный работе в Библиотечном институте в 1953–1955 гг.¹ Посмотрев его теперь, я убедился, что собственно институтская тема занимает в нем второе место по сравнению с общими событиями и жизненными чертами и ситуациями тех лет. Поводом к тому, чтобы вернуться к собственно институтской теме, к не пришедшему тогда на память, либо недосказанному, послужило также появление в одной из газетных статей, посвященных 90-летию института, моего имени как значащегося в его пантеоне. Более серьезным побудительным мотивом к этому явилось ознакомление с книгой изданной Санкт-Петербургским университетом культуры и искусства к его 85-летию².

Я стал в институте ассистентом-полставочником кафедры истории, назвав себя полуставочником, осенью 1953 г. Тому, что я сразу ощутил коренное отличие общественной атмосферы в институте от той, которая преобладала в университете, где я был аспирантом исторического факультета в 1949–1952 гг. и защитил кандидатскую диссертацию в конце 1952–1953 учебного года, удивляться не следует: смерть Сталина сразу многое изменила, но я постараюсь отметить причины, по которым институт избежал потрясений в последние сталинские годы. Впрочем, справедливости ради, надо признать, что на истфаке ЛГУ бури тех лет не были такими страшными, как на соседнем экономическом факультете, где арестовали чуть ли не всю кафедру А. А. Вознесенского (сам он был уничтожен). На истфаке в 1949 г. появился новый декан Н. А. Корнатовский, свергнувший возглавлявшего факультет в течение ряда лет известного ученого Владимира Васильевича

Мавродина, отца историка из СПбГУКИ Валентина Владимировича Мавродина.

Н. А. Корнатовский, развернувший было в 1949 г. активную идеологическую кампанию, в том же году был сам арестован. В моих воспоминаниях приведена одна из версий причин этого ареста и описаны связанные с его реабилитацией сцены на кафедре истории Библиотечного института³.

Вскоре после поступления на работу в институт я убедился, что в нем последние акты сталинщины существенного ущерба людям не нанесли. Причиной этого была негромкая, но высочайшая порядочность обоих его руководителей тех лет П. Е. Никитина и Н. П. Скрыпнева.

П. Е. Никитин стал директором института в 1946 г. В отличие от большинства руководителей предприятий и организаций города и области, он остался на этом посту и после так называемого «ленинградского дела» (иногда его называли «попковщиной» по имени первого секретаря Обкома и Горкома ВКП (б) П. С. Попкова). «Сохранность» П. Е. Никитина объяснялась тем, что он был снят с поста заведующего городским отделом народного образования, а назначение в Библиотечный институт было, по понятиям того времени, понижением. Оказалось, однако, что репутация жертвы «попковцев» не только придала ему устойчивость, но и была им использована в интересах института и его сотрудников.

Не могу сказать чего-либо о его кадровой политике в целом, но нельзя не отметить, что арест в 1949 г. читавшего в институте литературу А. Г. Левинтона не повлек за собой продолжения, а уволенный по сокращению штатов в 1952 г. Е. П. Брандис был свидетелем обвинения на политическом процессе. Об этом еще в 1970-х гг.

сообщил в неоднократно переиздававшихся «Записках незаговорщика» Е. Г. Эткинд. В современной литературе появились новые сведения об этом, как и о такой же роли И. Е. Баренбаума⁴.

Для «укрепления» института в него были направлены из присланного в Ленинград по решению ЦК отряда партийных аппаратчиков и идеологов Н. П. Скрыпнев и В. Г. Палехов. Н. П. Скрыпнев стал заместителем директора, а В. Г. Палехов – заведующим кафедрой истории. Н. П. Скрыпнев, одноногий инвалид войны, преподавал в Москве в пединституте, знал и понимал дело, хорошо разбирался в людях. Выпускник Академии общественных наук при ЦК ВКП(б) В. Г. Палехов был скромным, много повидавшим в жизни человеком: во время войны ему пришлось послужить в комендатуре Москвы.

Предполагаю, что личные свойства этих людей во время «борьбы с последствиями поповщины» совпали с существовавшей в институте гуманистической традицией. Ее проявление – блокадные воспоминания преподававшего тогда в нем Ю. П. Францева, который в 1949 и 1953 гг. на высоком посту в Москве оказывал сопротивление и преследованию космополитов, и делу врачей⁵.

«Всеобщих чисток преподавательского состава по 5-му и другим пунктам» в институте не было, отмечает проф. И. Г. Моргенштерн, объясняя это тем, что институт «не играл определяющей роли в идеологической сфере»⁶. Думаю, что это не противоречит моим впечатлениям о благотворном влиянии институтской администрации.

Т. И. Сильман, о которой пишет И. Г. Моргенштерн, видный специалист по западной литературе, оказалась в «строгие годы» единственным профессором в институте, но преподавала немецкий язык. Однако из Института им. Герцена, где она заведовала кафедрой западной литературы, ей пришлось вовсе уйти, а в Библиотечном ее как-никак пригнали. Понадобился XX съезд, чтобы она вернулась в Герценовский на прежнее место. На несколько лет лишилась работы М. П. Бронштейн, сестра арестованного физика. Он был зятем К. И. Чуковского, и все с этим связанное решалось, вероятно, на высочайшем уровне.

Библиотечный институт и после этого давал кров тем, кому «по политике» отказывали в других местах. Так, один из наших университетских учителей, яркий и высокообразованный историк Запада нового времени, один из очень немногих учеников акад. Е. В. Тарле, М. Б. Рабинович, вернувшись после отсидки, минув университет, поступил было в Герценовский, но его оттуда убрали, а в Библиотечный его взяли, и он с блеском

преподавал, совмещая это с комментированием изданий западных писателей.

В 1955 г. с возвращением уцелевших «поповцев» заколебалась почва под теми участниками московского «антипоповского» десанта, которые очень уж активно играли отведенную им роль. Таких пришлось отправить восвояси без промедления. Н. Ф. Бельчиков, старый литературовед и молодой коммунист, вступивший в партию в 1948 г. почти в шестидесятилетнем возрасте, назначенный директором Пушкинского Дома, управлявший им наездами из Москвы и ставший членом-корреспондентом АН, должен был покинуть свой пост, выслушав напутствие Ф. Р. Козлова: «Поезжайте, Николай Федорович, поживите в Москве, отдохните, времена меняются, а люди нам всегда нужны».

Другие осели в Ленинграде или со временем, как В. Г. Палехов, вернулись в Москву. А Н. П. Скрыпнев в новой ситуации сменил на посту директора института П. Е. Никитина, назначенного директором Ленинградского музея Ленина. Музей помещался в Мраморном дворце и включал в себя все ленинские места и квартиры в городе и за городом. Говорили даже, что П. Е. Никитин получил автомобиль ЗИС-110 («членовоз», предназначенный для членов Президиума ЦК), такой же, как у первого секретаря обкома. Освобождение таким образом места для Н. П. Скрыпнева было, вероятно, делом рук секретаря обкома по идеологии Н. Д. Казьмина. Он сам, ранее присланный в Ленинград, теперь уезжал, назначенный директором Центрального музея Ленина в Москве.

В книге, изданной к 85-летию СПбГУКИ, деятельность Н. П. Скрыпнева отражена достаточно полно, и образ его, продолжавшего линию своего предшественника, воссоздан таким, что мне остается присоединиться к сказанному там. Не забываю, что начал работать под руководством убежденных партийцев, которым это не мешало быть порядочными людьми и настоящими мужчинами, П. Е. Никитина, Н. П. Скрыпнева и А. А. Письменского (в Пединституте им. Покровского, где у меня была почасовая в 1952–1953 гг.⁷).

О В. Г. Палехове и Н. Я. Иванове на кафедре истории я уже писал. Они оба читали историю СССР советского периода. Досоветский период читал очень образованный С. К. Хворостин, в прошлом аспирант расстрелянного в 1938 г. известного историка В. Н. Кашина. В другом месте я подробно изложил с опубликованием документов трагическую историю, в ходе которой С. К. Хворостин до последней возможности публично отстаивал своего учителя, но в конце концов был вынужден от него отречься⁸.

Историю СССР преподавала и С. М. Левидова, ветеран экскурсионного дела в Ленинграде. В 20-е гг. экскурсиями с упором на историко-революционные темы заменяли преподавание истории. Коллегами ее на том поприще были получившие впоследствии широкую известность историки А. Л. Шапиро и В. Р. Лейкина-Свирская. С. М. Левидова передвигалась на костылях, она пережила потери дочери и внука, но была стойкой и во всем преданной институту. У себя дома она постоянно собирала коллег по работе от М. Н. Зеленецкого до Н. Д. Синцова. О нем я писал в своих воспоминаниях, но повторю это, поскольку, судя по все той же книге, вышедшей к 85-летию СПбГУКИ, он запомнился в институте немногим, хотя стал в 1957 г. организатором восстановленного факультета культ-просветработы.

Освобожденный из заключения бывший секретарь горкома по идеологии появился в институте в качестве заведующего заочным отделением. Не очень понимаю, почему К. М. Симонов сделал его, штатского человека, прототипом одного из своих героев политрука Синцова. Его внешность настоящего русского барина, изысканность речи и манер, вскоре ставшая очевидной для окружающих в институте внутренняя интеллигентность однажды заставили меня, когда я с ним познакомился поближе, сказать ему, что он очень уж не похож на секретаря горкома. Он в ответ, ничуть не обидевшись, сказал, что и во Владимирском центре оказался вместе с В. В. Шульгиным, постоянно что-то писавшим на исторические темы, и кн. Долгоруким, сетовавшим на непоследовательность отношения советской власти к Долгоруким («основателю нашего рода памятник перед Моссоветом воздвигли, а меня здесь содержат»). Свое назначение на секретарский пост Н. Д. Синцов объяснил так: П. С. Попков, который остановил на нем свой выбор, был, по его словам, гением предводительства. Поэтому светскость Н. Д. Синцова привела его, как это ни необычно, в горкомовский кабинет секретаря по идеологии.

В институте ему был отгорожен кабинет, в котором вместо Шульгина и Долгорукова иногда сидел с ним я как преподававший опекавшимся им заочникам. Два его рассказа были мной услышаны, вероятно, у С. М. Левидовой. Первый состоял в том, что в 1943 г. Сталин распорядился, чтобы ленинградские руководящие работники написали свои воспоминания о блокаде. Второй, сюжет которого упоминался Ю. Нагибиным, относился к М. М. Зощенко, оставшемуся после постановления о журналах «Звезда» и «Ленинград» без всякого заработка. Однажды Синцову позвонил начальник Управления пропаганды и агита-

ции ЦК Д. Т. Шепилов, который от своего имени и от имени находившегося у него А. А. Фадеева попросил помочь писателю. Синцов и директор Ленинградского отделения Гослитиздата, к которому он обратился, решили заказать Зощенко перевод. Было выбрано произведение финского писателя И. Лассилы «За спичками». Политическая благонадежность автора, расстрелянного белыми в 1918 г., сомнений не вызвала, перевод был сделан и издан. Через некоторое время Шепилов позвонил с просьбой о новой подобной операции. Но уже ощущались признаки надвигающегося «ленинградского дела», и Синцов сказал, что его обращение куда бы то ни было в пользу Зощенко может тому только повредить. Шепилов все понял, и чуть ли не на следующий день у Синцова появился человек, вручивший ему пакет с деньгами для Зощенко от Шепилова и Фадеева, который Синцов передал Зощенко, пригласив его к себе.

Поводом для этого рассказа Синцова послужила его случайная встреча с Шепиловым через несколько лет после эпизода с Зощенко. Летом 1956 г. Синцов вышел из института, чтобы пообедать в кафе в Летнем саду. Вдруг там появился И. Броз Тито, сопровождавшийся Шепиловым, тогда министром иностранных дел. Увидев Синцова, он направился к нему, и между ними состоялся разговор, глубоко взволновавший Синцова. Лет через десять я вспомнил об этом в московском архиве, когда мое внимание обратили на Шепилова, вышедшего в обеденный перерыв из Главного архивного управления, где он, возвращенный из ссылки в столицу Киргизии, куда он через год после встречи в Летнем саду угодил как «примкнувший» к Молотову, Маленкову и др., служил в должности ученого архивариуса. Внешним обликом он так напомнил мне Синцова, что при переменчивости, но повторяемости номенклатурных судеб я подумал, что их новая встреча больше взволновала бы не Синцова, а Шепилова...

Но вернусь к нашей кафедре. Древнюю историю читал В. Н. Гордеев, средневековую – Р. В. Лившиц. Курс новой истории вел В. К. Доберер, за которым я проводил семинарские занятия в группах, добавляя сведения из новейшей истории. В. К. Доберер был ярким лектором, читавшим в ораторской манере, присущей тогда академику Е. В. Тарле, над которым была собственная сталинская длань – со смелыми неожиданными аналогиями, публицистическими приемами часто саркастического свойства. Кабинетом истории заведовала П. А. Соболева, старая сотрудница института, помощников у нее не было.

Интеллектуальным центром института слу-

жила, как мне тогда представлялось, кафедра литературы. Импульс к изучению советской и русской литературы, данный съездом советских писателей в 1934 г., был для библиотечного образования не менее значителен, чем восстановление в том же году исторических факультетов в высших учебных заведениях. О С. А. Рейсере и Б. Я. Бухштабе, как и о В. А. Мануйлове, довелось уже писать не только мне, но и много более сведущим людям. Я с нетерпением жду выхода в свет фундаментальной монографии П. А. Дружинина о борьбе с космополитизмом в филологической науке в Ленинграде с серией ярких портретов литературоведов тех лет. До сих пор сожалею о том, что не довелось чаще встречаться с С. А. Рейсером и Б. Я. Бухштабом: по общегуманитарной образованности и культуре они превосходили едва ли не всех, с кем мне довелось затем встречаться.

Не могу вспомнить, кто в те годы читал советскую литературу. Скажу несколько слов о тех, кто делал это чуть позже. Предметом научных занятий Александра Ивановича Хватова было творчество М. А. Шолохова. В современной литературоведческой традиции, в частности в воспоминаниях Е. Г. Эткинды, Александр Иванович фигурирует как ортодокс и проработчик. Должен, однако, сказать об одной, к счастью, не ставшей трагической истории того времени, в которой он проявил себя иначе. Его младший брат Алексей, филолог-славист, был женат на дочери известного библиотековеда друга моего отца Б. Ю. Эйдельмана. Работавший в институте Б. Ю. Эйдельман был арестован на следующий день после смерти Сталина. Братья Хватовы горой встали за Б. Ю. Эйдельмана, думаю, не потому, что почувствовали перемену политической погоды. Как и А. П. Ельяшевич, отец проф. Д. А. Ельяшевича, Александр И. Хватов был учеником В. П. Дружинина, одного из руководителей литературной жизни Ленинграда тех лет. Над Дружининым была, как и над Тарле, сталинская длань. Осведомленные коллеги и ученики знали его как знатока и ценителя новой русской поэзии, предпочитавшего этого не обнаруживать. Я писал о нем по рассказам одного из его учеников по герценовскому институту, где он преподавал, писателя Ю. Константинова (Бердичевского).

Один из разделов курса русской литературы читал Н. Н. Кононов, с которым я соприкасался как с деканом сначала факультета детских библиотек, а затем библиотечного. Это был очень образованный, чуткий и тонкий пожилой человек, несколько замкнутый, как мне казалось. Он был на своем деканском посту, казалось, безотлучно. Я однажды сказал ему об этом, он ответил, что ему так легче. Мне объяснили, что у него

погибла ушедшая на войну дочь, и его тянуло к молодым, вечной сверстницей которых она для него оставалась.

В моем представлении, может быть, неправильно, курсы зарубежной литературы занимали в институте особенно значительное место в соответствии с тогдашним общим взглядом, до некоторой степени противоречившим патриотизации и борьбе с космополитизмом. Книги на иностранных языках были тогда редкостью, но в так называемом железном занавесе существовала форточка – государственная система переводов научной и художественной литературы. В дополнение к журналу «Иностранная литература» после войны было открыто специальное издательство, переводившее книги по всем отраслям науки и культуры. Переведенные книги занимали видное место в фондах массовых библиотек, и библиотекари должны были иметь представление о зарубежной литературе.

Университетский филфак был здесь для библиотечного института естественной опорой. Античную и средневековую литературу читала С. Л. Донская, яркая и одаренная ученица знаменитого И. М. Тронского (так изменил он свою фамилию – Троицкий после ареста брата-историка). Затем вступали в дело Н. А. Таманцев и мой друг Б. Л. Раскин, ученики декана филфака знатока французской литературы члена-корреспондента АН Б. Г. Реизова (о его поучительной осторожности я писал в своих воспоминаниях). Оба они играли значительную роль в обеспечении той серьезной общегуманитарной подготовки, которую давал институт. Н. А. Таманцев ушел из жизни в 1960 г.⁹, а Б. Л. Раскин почему-то должен был со временем перейти в Герценовский институт. В мои годы в кабинете литературы было двое лаборантов – А. А. Туровская, по-моему, тогда еще студентка, ныне – доцент, и бывший актер Н. И. Климантов-Нанский, преподававший художественное чтение.

На кафедре детской литературы работала довоенная сотрудница С. Я. Маршака Е. П. Привалова. Н. Н. Житомирова (не помню, возглавляла ли она кафедру) была активной фигурой в институте. Даже заведовавший кабинетом на этой кафедре Ю. Е. Бирман защитил кандидатскую диссертацию.

В институте существовала атмосфера творческого сотрудничества между корифеями библиографии и библиотековедения, такими, как В. Ф. Сахаров, Б. Ю. Эйдельман, И. А. Мохов, Г. Г. Фирсов и др., с одной стороны, и новым поколением специалистов. Я видел это на примерах своих знакомых – М. К. Архиповой, В. А. Ефимовой и Г. М. Михайловой (с ней мы были особенно дружны).

Вспоминая собственную работу в институте, вижу свою заслугу перед ним, главным образом, на кадровом фронте. Я сообщил Н. И. Сергеевой и Н. Н. Масленниковой о вакантной ассистентской ставке, которая была между ними поделена, каждую рекомендовал ее университетский научный руководитель, Сергееву – С. Б. Окунь, Масленникову – Д. С. Лихачев. А вот речь об И. В. Гудовщиковой произнес перед Скрипневым я сам, настаивая на том, чтобы он с ней обязательно познакомился. Приближался тот день ее рождения, после которого она по возрасту не могла бы поступать в аспирантуру. Как и многие читатели БАНА, я считал его справочно-библиографический отдел своей школой, а сотрудниц этого отдела С. Г. Финкельсон и И. В. Гудовщикову своими наставницами. Ирина Васильевна была замужем за моим другом биологом Д. В. Лебедевым, известным противником Лысенко и библиографом, который на протяжении ряда лет фактически руководил БАНом. И. В. и Д. В. были оба книжниками от бога – с серьезной профессиональной подготовкой и большим практическим опытом, обладая к тому же разносторонней, глубокой и непрерывно нарастающей эрудицией¹⁰.

Иностранная библиография была в отличие от западной литературы «в загоне», и И. В. поставила в институте ее изучение и преподавание на передовой для тех лет основе. О ее докторской защите в Москве мне рассказывал П. А. Зайончковский. Яркость ее женственности и острота ума были поразительно вневозрастными, и я не забуду, как мы с В. П. Леоновым стояли в толпе у ее гроба, понимая значение этой потери для всех ее окружавших.

Ничтожный по численности сравнительно с нынешними временами управленческий персонал обеспечивал бесперебойность и бесконфликтность учебного процесса. З. И. Абилова, по должности, кажется, диспетчер, была подобна театральной премьерше, поддерживавшей праздничное настроение на сцене и в зрительном зале.

Многое, конечно, забыто. Не могу вспомнить фамилию заведовавшей институтской библиотекой Евгении Афанасьевны, приехавшей в Ленинград из Москвы, где она работала в секторе Сталина Института Маркса–Энгельса–Ленина–Сталина. Из студентов помню А. В. Блюма, Лукошанаса, Саламатову, Бродскую, А. Маслову, И. Г. Моргенштерна.

Было бы, вероятно, полезно подготовить как общий очерк истории института, так и справочник о сотрудниках и студентах наподобие выпускаемого РНБ.

Для меня два года в Библиотечном институте во многом знаменательны. Я даже в 1955–

1956 учебном году, уйдя из него, что-то дочитывал. Но преподавателя из меня не получилось: не хватило систематичности в отношении к материалу и требовательности не только к себе, но и к студентам. Моему уходу предшествовал такой эпизод. Я поймал себя на том, что догонял студентку, которой поставил тройку, чтобы заменить ее четверкой, а окружившие меня другие объяснили, что она, боясь двойки, для меня недосыгаема. В этот момент появилась декан Т. В. Крюгер, которая, сразу все поняв, посоветовала мне перейти на научную работу...

Примечания

¹ Ганелин Р. Ш. Библиотечный институт // Ганелин Р. Ш. Советские историки: о чем они говорили между собой: страницы воспоминаний о 1940–1970-х гг. 2-е изд. испр. и доп. СПб., 2006. С. 104–113.

² История, воспоминания, документы: к 85-летию С.-Петерб. гос. ун-та культуры и искусств / М-во культуры РФ, С.-Петерб. гос. ун-т культуры и искусств; отв. ред. П. А. Подболотов. СПб., 2003. 327 с.

³ Ганелин Р. Ш. Советские историки. С. 78–81.

⁴ И. Е. Баренбаум объясняет уход из института Е. П. Брандиса отказом ему в приеме в партию по причине сокрытия им своего социального происхождения (Баренбаум И. Е. На дворцовой // Вестн. С.-Петерб. гос. ун-та культуры и искусств. 2003. № 1, нояб. С. 102). О самом Баренбауме см.: Лянда-Геллер Б. Воспоминания. СПб., 2010.

⁵ Ганелин Р. Ш. И. В. Сталин, А. Я. Вышинский и Ю. П. Францев в 1949–1953 гг.: от борьбы с космополитизмом к «делу врачей» // Новейшая история России. 2011. № 2, нояб. С. 171–191.

⁶ История, воспоминания, документы. С. 83.

⁷ О таком же поведении директора этого института А. Егорова см.: Рубашкин А. Полковник Егоров // Рубашкин А. Заметки на полях жизни. СПб., 2011. С. 74–75.

⁸ «Что вы делаете со мной!»: как подводили под расстрел: док. о жизни и гибели Владимира Николаевича Кашина / Рос. акад. наук, С.-Петерб. ин-т истории; сост., вступ. ст., примеч.: Р. Ш. Ганелин. СПб.: Нестор-история, 2006. С. 91, 176.

⁹ В годы хрущевской «оттепели», хотя название это было дано И. Г. Эренбургом, у писателя возник конфликт с ЦК. Ему ставили в вину не только благоволение к нему Сталина, но и ошибочные взгляды на Стендаля. По поводу Стендаля против него выступил в печати Таманцев. Его статья была поводом для письма к Эренбургу дочери Сталина С. И. Аллилуевой. Талантливое литературное произведение и яркий документ эпохи, оно опубликовано известным исследователем Б. Я. Фрезинским.

¹⁰ Полотовская И. Л. Ленинградская «школа» изучения и преподавания иностранной библиографии (к юбилею И. В. Гудовщиковой) // Петербургская библиотечная школа. 2001. № 2. С. 75–78; Куманова А. Штрихи к творческому портрету профессора И. В. Гудовщиковой // Там же. С. 78–80.